

И.С. Хугаев

ПОЭТИКА ПОЛИТИКИ, или ГРЯЗНОЕ ДЕЛО И ЧИСТЫЕ РУКИ И.С. Хугаев*

1. ПОГОДА И ПОЛИТИКА

О чем говорят люди, когда им не о чем говорить? О погоде и политике. Второе предпочтительнее, потому что вопрос погоды исчерпывается слишком быстро. Да и переменчива она и глазу подвержена. Поговорим лучше о политике.

Недавно я был на поминках в одном из пригородных сел. Не меньше, чем покойника, там поминали Путина. Но если первого поминали добром, то второе – только лихом.

После поминок, когда народ рассаживался по своим авто, один из критиков Путина, заметив, что я пеш, предложил подбросить меня до города:

– Не обессудь, – добавил он уже без всякой необходимости, – мне еще надо любовницу проведать.

«Какой добрый и сознательный народ! – думал я, – они ни в чем не нуждаются, а все равно недовольны; вероятно, они переживают о тех согражданах, у которых нет ни особняка, ни автомобиля, ни любовницы. Или, может быть (чем черт не шутит?), они хотят по два автомобиля и по две любовницы?»

Меня нимало не смутило, что мой великодушный спутник выпил-таки несколько поминальных тостов горячей араки: по всему было видно, что он человек бывалый и прекрасно ладит со своим скакуном.

Когда мы тронулись, я робко поинтересовался у него, чего же он хочет от власти, если у него есть все, о чем многие и мечтать не смеют. Разговор у нас получился идейный, так что я даже вспомнил старую песенку из «Машины времени»:

*...двое сошлись не на страх, а на совесть,
Колеса прогнали сон.*

Один говорил: «Наша жизнь – это поезд»,

Другой говорил: «Перрон».

Один утверждал: «На пути нашем чисто»,

Другой возражал: «Не до жиру».

Один говорил: «Мол, мы машинисты»,

Другой говорил: «Пассажиры».

Один говорил: «Нам свобода – награда,

Мы поезд, куда надо, ведем».

Другой говорил: «Задаваться не надо;

Как сядем в него, так и сойдем».

(...) И оба сошли где-то под Таганрогом

Среди бескрайних полей.

И каждый пошел своею дорогой

А поезд пошел своей.

Да, примерно такой разговор (хотя стихи, в общем, неказистые), причем необходимо на всякий случай подчеркнуть, что, как ни странно, арию первого, оптимистического персонажа, который утверждал, что жизнь – это поезд, а не перрон, и что мы – не пассажиры, а машинисты и пр. – исполнял я.

– А можно узнать, за кого вы голосовали на последних президентских выборах?

– У нас голосование тайное, – ответил он, но после паузы добавил: – За Сталина.

– Но Сталин умер; значит, вы голосовали за идею. За какую же именно?.. Вы не сердитесь – во всяком случае, вы можете посадить меня прямо здесь, в этой зябкой пустыне – но что сказал бы товарищ Сталин, увидев вашего скакуна в пятьсот лошадиных сил, ваш большой и светлый дом, полный импортной мебели, детей и прислуги и внутренних склок, ваши дебиты-кредиты и вашу любовницу, и то, что вы водите машину в нетрезвом состоянии?

Он скептически улыбнулся:

– Вы из ФСБ?

– Нет. Из РСО-А.

– Вы меня не понимаете. Мне этого всего не жалко. Кроме детей, конечно. В стране порядка нет. Я, может быть, готов и сесть, и к стенке встать, если найдется мужик, который это сможет сделать. Но где он? Одни тряпки кругом.

Он как-то посуровел весь и, хотите верьте, хотите нет, довез меня, попутно ругая дороги, до самого подъезда, хотя с той минуты, как мы въехали в город, я всячески упрашивал его смилостивиться над его, вероятно, загрустившей любовницей и даже делал вид, что собираюсь выскочить из машины на ходу.

– Скучно мне, – сказал он, когда я ступил одной ногой на твердую землю.

Ему не хотелось со мной расставаться: наверное, я дарил ему в каком-то смысле более тонкие наслаждения, чем его любовница.

– Помните Макаревича? – спросил я. – Какие красивые песни пел!

– А что такое?.. Умер?

* Хугаев Ирлан Сергеевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ВНЦ РАН (shmiksel@rambler.ru).

– Да нет. С поезда сошел. Знаете, как он сказал о русском народе? – он, дескать, так и не выдал из себя раба. А Проханов ему на это: «Зато русский народ выдал из себя Макаревича».

– Может, пересечемся как-нибудь? – спросил он серьезно. – Вот моя визитка. Расскажите мне, кто такой Проханов.

На визитку я взглянул только дома. Он оказался моим дальним родственником. Я не удивился, потому что в нашем роду много коммунистов. Не зюгановцев, а сурайкинцев. Может быть, Сурайкин считает, что мы его подвели, а я все время переживал о том, что его партия несколько дискредитирует нашу фамилию. Впрочем, Чермен Хугаев держался на дебатах с достоинством и говорил по делу. Лучше самого тов. Максима.

2. РЫБИЙ ХВОСТ

Критика власти у нас повсеместна. При этом абсолютное большинство тех, кто Путина явно критикует, тайно за него голосовали (Сталин у них на втором месте). Любопытно именно заметить, что даже вполне обеспеченные сограждане, значительно улучшившие свой быт в сравнении с 90-ми, не упускают случая декларировать свое недовольство, и тоже, как и сталинисты, пеняют Путину на недостаток жесткости.

Похоже на то, как если бы мы подписали меморандум, по которому всякое одобрение власти считается моветоном. Признаюсь в позорном малодушии: когда кто-нибудь ругает власть, мне бывает как-то неловко ему возразить, – именно из страха быть заподозренным в малодушии, в верноподданнических наклонностях. А как тут возразишь, когда тебе, например, общаются с выражением и даже как бы с наездом: «Мне что? – мне за державу обидно! В стране нет порядка. У власти должен быть мужик!» Ведь я не против мужиков. И я вовсе не утверждаю, что у нас есть порядок.

Хотя – что такое «мужик»? Что такое «порядок»? И отчего вам скучно? Разве у вас мало работы? Разве прав был Никколо Макиавелли, и «люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость»? Станьте своей собственной необходимостью.

Государство антропоморфно: личность тоже немислима без суверенитета. Личность – это пространство самодержавия; тот, кто держит себя в руках, – самодержец. Каждый человек – сам себе государь и сам себе подданный; сам себе Дума и Совет Безопасности, а также министр внутренних дел.

Вот и наведите порядок в собственной жизни – твердой рукой, по-мужски, но без перегибов. Ваши прадеды сподобились построить развитой социализм в отдельно взятой стране, – ничто не мешает и вам построить его в отдельно взятой семье. Увы: самый что ни на есть мужик порой не способен прийти к консенсусу с женой и детьми и разобраться с любовницами – и при этом ругает за бесхарактерность президента, считая его причиной беспорядка в его собственном гараже: «Рыба гниет с головы», – любит он повторять с удовлетворением прозелита, проникшего в тайны диалектики. Суждение, достойное рыбьего хвоста.

Ругая Путина, мы поступаем по-пилатски (да и по-пиратски); мы тоже умываем руки, чтобы показать,

что, хоть в стране нет порядка, но наши руки чисты, и что мы никаких вопросов не решаем.

Сейчас нет ничего проще, чем оказаться врагом народа и агентом мирового империализма. Для этого не надо бродить по перелескам в поисках инструкций, закамуфлированных под коровью лепешку. Не обязательно лично встречаться с Сатаной и подписывать купчую кровью, чтобы продать ему душу. Каждый, кто крадет из казны, кто берет взятку (включая тех, кто считает, что люди тут ни при чем, а просто коррупция стала у нас частью системы), кто осуществляет подлог или проявляет халатность на своем служебном месте (да и по месту проживания) – троцкист и вредитель.

3. ПАЦАНЫ И БОТАНЫ

Удивительно, что в наш либеральный век столь высок спрос на жесткость, и все хотят слыть и казаться жесткими (по меньшей мере, жесткими критиками и экспертами, которые не зря так часто и так неловко дерутся в прямом эфире). То и дело в СМИ раздаются: «жесткие меры», «жесткий ответ», «жесткое заявление», «жесткий управленец». «Жесткий» – король эпитетов современного русского языка. Эпитет, вызывающий пиетет.

На Западе, соответственно уровню развития либеральных свобод, до смешного дошло. Похожее поветрие царило в советской школе. Пацаны лепили умяк, будто век воли не видали; несмываемым позором считалось примерное поведение. Нынешние парниковые правители еще более беззащитны: каждый ботан корчит из себя «конкретного пацана»; все хотят выглядеть «плохими парнями», – даже Гэвин Уильямсон и Олег Ляшко, даже Тереза Мэй и Даля Грибаускайте... А Путин, заметим, наоборот: играет в кроткого ботана. И это делает ему честь.

«Жесткость» (рукой подать до жестокости)! А что же нежность? А что же гибкость?... Среди критических «ястребов» («ястреб» – «есть-треб», «кушать требующий») бытует убеждение, что наши политики ошибочно политичны, а дипломаты преступно дипломатичны. Эти «ястребы» напоминают лермонтовского провинциала, «который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной нежнейшей дружбы». Очевидно, они были бы довольны и перестали считать политику «грязным делом», если бы Путин дал Трампу в глаз.

4. ГРЯЗНОЕ ДЕЛО

Левые ругают Путина за отсутствие жесткости, а справа доносятся, наоборот, то истошный крик, то гордая жалоба на некий авторитарный путинский режим, проводящий циничную и грязную политику внутри и вовне. Такие разночтения показывают, что режим у нас умеренный.

Справедливо ли вообще считать политику сферой профессионального лукавства и искусством зла, как она представлена, например, в пресловутом «Государе» Никколо Макиавелли? Нет, ибо политику осуществляют такие же люди, как и мы, и, соответственно, в

большой политике нет ничего такого, чего не было бы в каждом отдельном человеке, в том числе в самом аполитичном человеке. Согласившись с Макиавелли, которого можно признать первым в истории профессиональным политтехнологом (не больше), мы должны были бы и весь этот мир (не только политический) отнести к области зла и грязи.

Нет грязной политики, есть грязные политики. Политику пачкают политики, когда прикасаются к ней грязными руками. Политика и история – это только одна из внешних форм борьбы добра и зла, генеральное сражение которых происходит в человеческой душе.

Когда мы решаем, дать кому-нибудь в глаз или нет, заступиться за слабого или нет, попросить у кого-нибудь прощения или нет, возразить или промолчать, солгать или сказать правду, подать милостыню или воздержаться, – мы решаем политические вопросы. Когда мы, вопреки домашним неприятностям, дурному расположению духа или головной боли, улыбаемся друзьям и коллегам – мы держим политическую линию. Посмеем ли мы упрекнуть в лицемерии того, кто, несмотря на крайнюю спешку, пропускает дам вперед?..

Кто пропускает дам вперед, тот никогда не опоздает. Улыбка – оружие подлинной дипломатии и знак политической культуры.

5. НЕПРИЛИЧНОЕ ОБЩЕСТВО

Сегодня, однако, это чаще хорошая мина при плохой игре. Политика у наших оппонентов полностью разошлась с политесом, попораны все правила благородного тона, – и все от безысходности их положения, в которое они сами себя поставили своей уже для всех явной лживостью. Это просто неприличное общество.

Поскольку они в большинстве своем парниковые, они, обретая свою позорную иллюзорную власть, не могут жить ни по законам, ни по понятиям. Это все мясане во дворянстве, и они живут и действуют «по беспределу». Они называют себя «игроками», а историю – игрой, – и, значит, они неизбежно доиграются. Они думают, что сами живут в городе, а весь остальной мир – джунгли. Они говорят, что международные дела – не сфера демократии, а сфера жесткой (!) конкуренции; то есть такая сфера, где естественным образом работает право силы. Ничего «естественного» я здесь не нахожу, не надо клеветать на естество... Послушайте, меньшие братья по совести: разве в ваших странах принято гнобить и грабить инвалидов, незащищенных и одиноких граждан?.. Нет? – ну, так руки прочь от незащищенных и одиноких государств!..

Теперь все увидели, что король не только гол, но и безобразен... Но помните ли, что сделал «великий комбинатор» Остап Бендер, когда до васюкинских любителей дошло, что он никакой не гроссмейстер и никогда не быть их Васюкам столицей мироздания? – он сначала украл с доски черную ладью и требовал от противника немедленной капитуляции, а потом «зачерпнул в горсть несколько фигур и швырнул их [ему] в голову». Вот в чем опасность. Это и есть поведение крысы, загнанной в угол, о которой любит вспоминать Путин...

Сегодня 12 апреля; пока пишутся эти строчки, ВМФ США подошли к берегам Сирии в готовности нанести удар по арабской республике – кризис, который уже сопоставляют с Карибским кризисом 1962 года... Знаете, на кого похож длинношей сирийский президент Башар Асад? – на изысканного гумилевского жирафа, который бродит у озера Чад; на него-то, жирафа, и пошли войной Шерхан с Табаки...

Что ж, будет нанесен удар или нет, исход дела предreshен, как исход народной сказки. «В борьбе добра и зла победит добро, – писал Афако Гассиев. – [потому что] зло поселяет раздор в душе человека. Оно не может не иссякнуть, когда доведет душевное состояние своих приверженцев до крайней степени напряжения».

Воистину, как все просто.

6. ИНТЕРЕСЫ И ИДЕАЛЫ

Герой Макиавелли – плут и заговорщик. На самом же деле только тот государь хорош, который понимает свой народ и связь с Отечеством переживает глубоко и мистически. Путин заметил однажды (повода не помню, но это не важно): «Мои предки были крепостными, а я – президент». Я вижу здесь именно такое переживание; мне нравится, что здесь говорят и гордость (президент), и смирение (крепостной). У Путина есть Святая Русь.

В начале XIX века прусский генерал фон Клаузевиц сказал: «Война есть не что иное, как продолжение политики, с привлечением иных средств». Спустя сто лет Ленин добавил: «Политика – это концентрированное выражение экономики». Где же в этой системе – культура? Не верю, что политика определяется низшими животными потребностями, прожорливым червем, спрятанным внутри человеческого тела; я не верю даже в «государственные интересы», кроме тех, что вполне выражены в культуре, в культе и святине. Во всяком случае, Россия исторически мотивируется не только потребностями и интересами. Бывало и так, что она жертвовала ими из каких-то отвлеченных соображений.

Хороший государь воплощает в политике то лучшее, что есть в культуре и характере народа и способствует его улучшению: вот главный контур государственного обмена веществ. Через хорошего государя даже самый аполитичный человек становится субъектом истории, учредителем и источником верховной власти. Это я взял Крым, это я кормлю голодных сирийских детей. Мне скажут: лучше бы ты накормил голодных детей России, – и это будет справедливо. Это серьезное упущение, и я обязательно этим займусь.

Некоторые фанатики либеральной идеи говорят, что России не нужен президент, что она должна стать парламентским государством. Мне видится в этом страстное желание обезличить и оскотить все, что только можно обезличить и оскотить. Любой уважающий себя и желающий быть суверенным народ должен выбирать себе предводителя. Пусть верховная власть, всегда тяготеющая к состоянию инертной механической функции, будет одушевлена, очеловечена и вочеловечена. Пусть это будет не функция, а творчество. Ибо стиль в политике так же необходим, как в

искусстве, и есть только один стиль и в искусстве, и в политике – эlegantный. Мало побеждать: надо побеждать красиво.

7. ЧИСТЫЕ РУКИ

Главное свойство путинского стиля – аккуратность. Путин играет в ботана. Путин играет черными. Он всегда делает только ответный ход. Это его сознательный выбор: в нем выражается упорное путинское приглашение к миру. Он – по его собственному определению – «голубь со стальными крыльями». Он хочет спустить разборку на тормозах. Он говорит где-то, что питерская улица научила его простой истине: если драка неизбежна – бей первым; но не думаю, что эта истина вошла в характер Путина, или, паче того, стала частью его стиля (вообще-то, Путин не рукопашник, а дзюдоист). По крайней мере, в президентский период его жизни Путин никого не ударил первым. И если мы до сих пор избежали большой драки, – значит, Путин все делает правильно, и неизбежных драк нам до сих пор не предстояло. Наш президент миролюбив; его мужество – это терпение и сдержанность. Когда наши партнеры говорят о необходимости сдерживания России и Путина, они хотят сдержать саму сдержанность!

Но и при всей его, Путина, сдержанности, ему тоже приходится не только миловать, но и казнить. «Вешать бы надо, но это не наш путь», – сказал он однажды о расхитителях народных миллиардов. Путин не вешает, но разве он не казнит? Спросите у Хорошавина, Улюкаева, у недавних дагестанских ханов, у головорезов в Сирии, у Порошенко и Саакашвили, потерявших и честь, и территории. Странникам жесткости (критикам слева) этого мало, а я бы спросил их: предположим, вы готовы встать к стенке; готовы ли вы исполнить смертный приговор?.. Путин не ставит к стенке, зато в сортирах мочит, как обещал.

Не будем путать этикет с лицеприятностью; нет политики без политеса, ведь мы с вами вежливые люди и зеленые человечки. Не от хорошей жизни улыбаются дипломаты и президенты (я, естественно, говорю о настоящих, а не липовых). Чтобы править во имя добра, надо сметь взять на душу грех, и правда иногда стоит того, чтобы солгать: вот единственное обстоятельство, которое объясняет метафору «грязного дела». Исправный правитель – слуга народа; а слуга не может гнушаться грязной работой. Либеральные белоручки (критики справа) не хотят этого слышать, они любят вспоминать о «слезинке ребенка» (из Достоевского): они прикрываются детишками («они же дети!»), чтобы их не били. А я бы сказал им: не давите на жалость; когда же дети не плакали?.. дети на то и дети, чтобы плакать; кроме того, Достоевский не был таким чувствительным гуманистом, как вы; для него здесь не было проблемы; это всего лишь его герой комплексовал.

Чтобы судить о политиках и политике, тоже необходим политес. «Счастливы в сравнении с государственными правителями монахи, ученые, художники и созерцатели, – писал И.А. Ильин, – ибо им дано творить чистое дело чистыми руками. Но не суд и не осуждение должны они нести политику и воину, а благодарность к ним, молитву за них, умудрение и очище-

ние, ибо они должны понимать, что их руки чисты для чистого дела только потому, что у других нашлись чистые руки для нечистого дела, (...) что если бы у всех людей страх перед грехом оказался сильнее любви к добру, то жизнь на земле была бы совсем невозможна».

8. ОДА НА ДЕНЬ ИНАУГУРАЦИИ

Как интересно и как глубоко последнее разделение «любви к добру» и «страха перед грехом»! В самом деле, это не одно и то же: страх, хотя бы и перед грехом, есть величина отрицательная; и смысл жизни не в том, чтобы не грешить. Скорее в том, чтобы, рискуя быть самому ввергнутым в геенну огненную, спасти других для вечной райской жизни.

Но это так, к слову. Из любви к добру.

И.А. Ильин вывел здесь, по сути, основания политической и гражданской поэзии как суверенного жанра. «Благодарность, молитва, умудрение и очищение» за политика и воина: в известном смысле это тоже «милость к падшим». Иные писали на правителей сатиры, пасквили и анафемы, не понимая, что их руки чисты только потому, что другие не брезгают грязной работой, другим достало великодушия омыть правителям – этим палачам поневоле – их окровавленные руки и обвить их меч лаврами...

В 1748 году М.В. Ломоносов написал оду «На день восшествия на престол Ее Величества государыни императрицы Елисаветы Петровны...», которая – замечу не без улыбки, но «на полном серьезе» – как нельзя лучше подходит Владимиру Владимировичу и в каком-то сюрреалистическом, как у Нострадамуса, преломлении изображает настоящее время:

*...Тогда во все пределы света
Как молния достигнул слух,
Что царствует Елисавета,
Петров в себе имея дух.
Тогда нестройные соседы
Отчаялись своей победы
И в мысли отступали вспять.
Монархиня, кто россов знает
И ревность их к тебе внимает,
Помыслил ли противу стать?
Что Марс кровавый не дерзает
Руки своей простерти к нам,
Твои он силы почтает
И власть, подобну небесам.
Лев ныне токмо зрит ограду,
Чем путь ему пресечен к стаду.
Но море нашей тишины
Уже пределы превосходит,
Своим избытком мир наводит,
Разлившись в западны страны.
Европа, утомленна в брани,
Из пламени подняв главу,
К тебе свои простерла длани
Сквозь дым, курение и мглу.
Твоя кротчайшая природа,
Чем для блаженства смертных рода
Всевышний наш украсил век,
Склонилась для ее защиты,*

*И меч твой, лаврами обвитый,
Не обнажен, войну пресек...*

Неудивительно, что эта старинная гравюра вызывает столько актуальных политических ассоциаций. В истории каждого государства присутствуют специфические постоянные токи, в которых выражается пафос народной судьбы и которые время от времени приводят к сопоставимым внешним положениям.

Сегодня 14 апреля. Американцы отстрелялись. Но как? – «танцами на минном поле» назвал эту операцию один наблюдатель. Они сделали все возможное, чтобы не задеть «голубя со стальными крыльями». Шерхан с Табаки выпустили сто «Томагавков» по сирийской пустыне и ранили трех сирийских пастухов.

9. URBI ET ORBI

Знаете, каково мое сильнейшее впечатление последних дней? Слова Путина о том, что если по России будет нанесен ядерный удар, то он гарантированно нажмет и свою кнопку, и хоть жаль, что это будет мировая катастрофа, ему, как гражданину России и русскому человеку, не нужен мир без России. Меня впечатлил эсхиловский трагизм президентских буден, подразумевающих ежеминутную готовность к таким страшным решениям (тяжел он, президентский чемоданчик; тяжелее шапки Мономаха), и тот сознательный цинический акцент, который напоминает Людовика XV с его «после меня – хоть потоп» и придает словам Путина жутковатую убедительность. Для «игроков», питающих себя определенными иллюзиями, они звучат вырезвительно грозным предостережением.

Нет, Путин не холодный политик, и даже не железный, в общепринятом смысле, характер. Он умеет переживать, ему доступно даже очевидное волнение во время важных выступлений (особенно когда выступает по бумажке), – и это свидетельствует в пользу его натуры, живой, эмоционально динамичной и ответственной. Наши министры никогда не волнуются, а президент волнуется. Один за всех.

В частности, Путин хочет так победить, чтобы не было побежденных, чтобы по возможности все вышли из кризиса с достоинством. Так поступают благородные люди, – даже с людьми неблагородными. Не надо лишать их шанса научиться благородству. Благородный тон – лучший залог стабильности.

Или благородству нельзя научиться?.. Комментируя участие французской авиации в последних ракетных ударах по Сирии, президент Франции Макрон-Табаки заявил: «Я – ровня Путину. Кроме того, Путин меня понимает» (вот она – «Европа, утомленна в брани... К тебе свои простерла длани»). Конечно, Путин тебя понимает. И жалеет, и сочувствует. Путин – тайный кумир современных европейских лидеров: их ревнивое чувство к доброй славе – верный признак того, что они не совсем безнадежны.

Новые вооружения, анонсированные Путиным в последнем Послании Федеральному Собранию, тоже

помогут их моральному росту (вот он – меч, «обвитый лаврами, не обнажен, войну пресек»). Ей-богу, это было неожиданно и красиво. Словно некий тайный орден выковал небывалое грозное оружие в катакомбах осажденной крепости, и вот его магистр, поднявшись на крепостную стену, представил его противнику и призвал к добру и миру.

Пока многие из нас били баклуши и сетовали, кряхтя, на судьбу, Путин работал. Как раб на галерах. И Рогозин молодец. Не хуже Берии, давшего Сталину атомную бомбу.

Нет, я тоже не говорю, что у нас все хорошо: и порядок, и дороги, и дураков нет. Но вот что я, как «академик», услышал в этом Послании: наша наука, вопреки всему, жива, и Россия уже не допустит технологического отставания, которым нас так долго и злорадно стращали. Межконтинентальный «Сармат» станет локомотивом нашей экономики.

Они возмущаются: отчего, дескать, не хочешь ты, Россия, и лично ты, строптивец Путин, поцеловать Соединенным Штатам ручку?.. тебе что, больше всех надо?..

Да мы, может, поцеловали бы, видит бог, и признали их лидерство, если бы Штаты, оставшись единственной сверхдержавой, проявили усердие в построении справедливого миропорядка, накормили бы голодных землян и утешили страждущих. Но нет: они только строят козни остальному человечеству; они творят беззаконие по праву сильного и сеют разврат по праву «американской исключительности». Нас это не устраивает; мы предлагаем другой путь.

«Меч» – это здорово, но главный пункт Послания Президента состоит все же не в нем. Главное то, что он вспомнил Романа Филиппова. Того самого, который предпочел плену смерть и который крикнул, прежде чем подорвать себя и окруживших его врагов: «Это вам за пацанов!» Путин сказал, что волшебное оружие рано или поздно будет и у других стран, но таких офицеров, как Роман Филиппов, у них уже никогда не будет. Тем самым он предрек врагам России поражение.

Это здорово, что президент вспомнил Романа Филиппова. Без него Послание – как литературный текст – было бы неполным в смысле благодати. «Сармат» – его плоть, Роман – его душа.

Роман Филиппов, Александр Прохоренко, Магомед Нурбагандов... Вот где конкретные пацаны.

И вот какой путь мы предлагаем: не будем влекомы по жизни алчным и похотливым червем; останемся верны доброму старому человечеству, которое страдало и сформулировало понятия чести, закона и справедливости, которое произвело на свет Платона, Рафаэля и Толстого...

Желаю новому старому президенту удачи. Я, если на то пошло, тоже его пехотинец, и я присягаю ему на верность.

Мне нравится белизна президентских манжет: чистые руки для нечистого дела.

THE POETICS OF POLITICS, OR DIRTY CASE AND CLEAN HANDS

Khugaev I.S.